

Мадлен Рено и Жан-Луи Барро в пьесе «Ложные признания».

СЛОВО И МОЛЧАНИЕ

В ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР своих московских гастролей театр Мадлен Рено — Жана-Луи Барро сыграл «Ложные признания» Мариво и пантомиму «Сон Пьеро». Это было своего рода демонстрирование широты профессиональных возможностей труппы.

«Ложные признания» в постановке Барро — спектакль, где основным, если не единственным полноправным выразительным средством становится слово. Неизменно место действия — все та же постылая с высокими закругленными окнами, с розоватыми тонами мебели и нарядов, с нежнейшей юной женщиной аллей за окнами. Почти неизменны позы: вама сидит, мужчина стоит перед ней, почтительно наклонив голову. Люди почти неподвижны: идет диалог, и все движение связано только со сменой интонаций, с еле заметными словесными оттенками. Даже слуга, чьим лукавым умыслом завязаны все узлы интриги, далек от прворства своих сценических собратьев — ни прыжков, ни беготни. Чтобы достичь своего (Дюбуа задумал женить своего бывшего бедного хозяина на своей нынешней богатой хозяйке), у него в распоряжении только одно средство — слово.

Дюбуа уговаривает Араминту, что ее новый управляющий, Дорант, тайно изнывает от любви к своей госпоже. Ничто не подтверждает этой страсти, но само отсутствие доказательств для женщины становится доказательством: это любовь делает Доранта таким робким, таким почтительным!.. Араминта растрогана. Араминта польщена, Араминта восхищена... Мадлен Рено с грацией показывает, как ее героиню завораживают слова, которые она слышит и которые она сама произносит...

Слово у Мариво — поистине всемогущее средство! И Барро хочет в «Ложных признаниях» доказать также его всемогущество как средства театральной выразительности.

В «СНЕ ПЬЕРО» с той же последовательностью Барро доказывает обратное: выразительность, всемогущество молчания на сцене.

Барро — один из тех, кто возродил старое искусство пантомимы. И не случайно именно Барро подсказал режиссеру Марселю Карне и поэту Превьеру идею и героя их фильма «Дети Райка», напомнив им о судьбе великого французского мима прошлого века Гаспара Дебюро. В фильме Дебюро носит имя Батиста, и играет его, конечно же, Барро. «Сон Пьеро» — это спектакль, который Батист, гениальный актер из жалкого театрчика, играет перед толпой. Так что перед нами не просто сцена, а как бы «сцена на сцене». Мы смотрим не просто спектакль, а стилизованное воспроизведение старинного зрелища.

Неудачник Пьеро в своем белом балахончике вежливо бродит по городу. Он засыпает на скамейке в городском саду, у подножия статуи, в которую влюблен. Статуя, холодная к воздыханиям Пьеро, весьма охотно оживает в ответ на уверяющие ухаживания Арлекина и пускается в путь вместе со своим поклонником. На опустевший пьедестал влезает — свято место пусто не бывает! — сторож, не украуливший мраморной беглянки. Пьеро в отчаянии кидается вдогонку возлюбленной, но тщетно. Он хочет покончить самоубийством, но ему никак не дадут повеситься —

то маленькая девочка просит отдать ей веревку взамен прыгалки, то веселая прачка заставляя самоубийцу помогать ей развешивать белье на этой самой веревке...

Стилизация? Да, конечно, самая что ни на есть откровенная. Маска вместо характера? Да, традиционная маска — мучнисто-белое лицо, недоумевающее приподнятые брови, неловкие случайные движения паяца, который не знает, за какую нитку его дернут в следующий миг. Маска. Но чем она плотней и традиционней, тем свободней звучит подспудная лирическая тема актера. Такова, по-видимому, природа его остро и странно дарования: это лирик, который нуждается в маске, чтобы не стесняться своего лирического беспокойства.

Герои Барро, которые несут эту лирическую тему, обычно плохо приспособлены к жизни, как плохо приспособлен к ней г-н Беранже — неистовый служащий исправной конторы, непримечательный житель примерного буржуазного городка. Здесь, в этом городке, происходит странная вещь: люди начинают превращаться в носорогов. Эпидемия разрастается — носороги стадами носятся по улицам, удовлетворенно ревут, их все больше... Быть человеком или быть носорогом — это дело добровольное. Но те, кто почему-либо медлил стать носорогом, со временем начинают чувствовать себя изгоями. Г-н Беранже находит в себе мужество остаться человеком. Коммунистическая пресса Франции назвала постановку пьесы Ионеско «Носороги» у Барро «яростно антифашистской». Но этого спектакля мы не увидели.

Слово, услышанное нами от театра Рено — Барро, — это умное, точное, изощренное слово профессионалов сцены. Что художники думают о жизни — этого мы не узнали. Они сохранили молчание. Значительно менее выразительное, к сожалению, чем чудесное молчание Барро в пантомиме...

Инна СОЛОВЬЕВА.

Фото А. Гладштейна.

«Сон Пьеро». Батист — Жан-Луи Барро.